10.46272/2587-8476-2021-12-2-182-202

Эволюция и внутренняя логика международных отношений Киргизии периода независимости

Илья Владимирович Подобед, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: iiliapodobed@yahoo.com

RNJATOHHA

В статье исследуется положение Киргизии в системе международных отношений и ее внешняя политика в контексте устоявшейся в стране после распада СССР социальной структуры, динамики социально-экономического развития, а также электоральных процессов. Эволюция международных отношений Киргизии рассматривается как производная от социально-экономических макропроцессов, развивающихся в республике на протяжении последних трех десятилетий. В данной статье сделана попытка совместить исследования внутриполитических процессов в Киргизии с их ролью в формировании внешнеполитических приоритетов страны. В условиях существования разветвленной клановой системы и хрупкости центральной власти сложно говорить о возможности ведения внутренне непротиворечивой международной политики. Внешнеполитическая активность Киргизии направлена прежде всего на поддержание определенного баланса в отношениях с крупными игроками в регионе с целью создания максимально благоприятных условий для трудовой миграции, получения финансовой помощи и транзитной торговли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Киргизия, Центральная Азия, постсоветское пространство, внутренняя политика Киргизии, социально-экономическое положение Киргизии

Памяти Сергея Ивановича Масаулова

При изучении международных отношений современной Киргизии отчетливо заметна двойственность ее положения. С одной стороны, среди бывших советских республик сложно найти страну, чья активность была бы в меньшей степени направлена вовне, с другой – невозможно не отметить невероятно сильную зависимость внутриполитических процессов Киргизии от политики крупных игроков в регионе. Киргизия на протяжении последних 30 лет представляет собой пространство столкновения интересов внешнеполитических акторов.

Поскольку целью данной статьи является рассмотрение международных отношений Киргизии в контексте ее политического и социально-экономического развития, автор особое внимание уделяет двум группам работ. В первую группу входят исследования социальных, политических и экономических процессов внутри страны: к такому типу относятся работы К. Базарбаева и Б. Жумагулова, Г.Ю. Ситнянского, С.М. Абрамзона, В.М. Касымовой, отчасти С.Н. Абашина¹. Вторую группу составляют исследования по международным отношениям в регионе. Зачастую подобные исследования сосредоточены в основном на участии Киргизии в формальных международных объединениях без анализа социально-экономической специфики, влияющей на внешнеполитическую повестку страны, однако в работах А.Д. Богатурова, А.А. Князева, А.А. Казанцева, С.К. Аламанова и В. Богатырева² удалось учесть в той или иной степени и упомянутые выше факторы.

Отдельную роль для исследования играют также работы И.В. Задорина и И.В. Подобеда, А.Н. Медушевского³, которые вписывают внутренние процессы (языковые и законотворческие) в Киргизии в общий постсоветский контекст, не касаясь непосредственно сферы международных отношений. При этом важно отметить, что большое количество качественных статистических данных по Киргизии собирается специализированными западными фондами и исследовательскими центрами. Такие организации, как Международный республиканский институт (*IRI*), Всемирный банк, ООН, Институт овощных и декоративных культур имени Лейбница, дочерние организации Фонда Ага Хана, предоставляют данные социально-экономического характера системно, а по ряду вопросов проводят ежегодные панельные исследования. Значительная часть собираемых данных остается в закрытом доступе, однако в агрегированном виде они становятся доступны в рамках докладов. Большой интерес для данного исследования представляют результаты опросов общественного мнения Международного республиканского института (*IRI*) и отчет ОБСЕ о событиях на юге Киргизии в 2010 г⁴.

¹ Базарбаев, Жумагулов 2012; Ситнянский 2007; Абрамзон 1990; Абашин 2011; 2015; Касымова 2014.

² Богатуров 2011; Князев 2003; Казанцев 2009; Аламанов 2018; Богатырев 2012.

³ Задорин, Подобед 2020; Медушевский 2018.

^{4 &}quot;New Kyrgyzstan Poll: February 2019," IRI, May 19, 2020, accessed July 20, 2021, https://www.iri.org/sites/default/files/february_2019_kyrgyzstan_poll.pdf; Отчет международной Независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года // Kyrgyzstan Inquiry Commission/ Архив Интернета. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20190226214123/https://www.fergananews.com/archive/2011/kic_report_russian_final.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

Влияние географического фактора на социальную структуру и характер политических процессов в Киргизии

В 1985 г. И. Валлерстайн представил эссе «Существует ли Индия?»¹, в котором выдвинул три тезиса, концептуально применимых к истории не только Индии, но и любого современного государства: современные государства являются порождением современной мир-системы (сложной системы политических и экономических связей), древняя история государств создается самими этими государствами с целью традиционной легитимации их существования, и хотя современные государства существуют в данный момент, но это совершенно не означает, что их существование в будущем предопределено.

В этом контексте можно утверждать, что современная Средняя Азия как единый регион является во многом продуктом самой недавней, прежде всего советской, истории. Если рассматривать Среднюю Азию в большем временном охвате, то этот регион можно разделить на два субрегиона по Тянь-Шаню: север исторически характеризовался преимущественно кочевым населением за исключением региона Семиречья, практически полным отсутствием городов, основанных до активного проникновения русских, отсутствием государственных образований с развитым бюрократическим аппаратом, тогда как на юге преобладали древние города, социальная структура которых сложилась в условиях средневековых монархий, схожих по своим характерным особенностям с описанными К. Витфогелем² аквадеспотиями с преимущественно оседлым населением и сравнительно развитыми бюрократическими аппаратами. Большинство городов севера строились имперской или советской администрацией по европейским градостроительным стандартам, которые самим типом застройки порождали анонимные блазированные сообщества, на свойства которых указывал еще классик теории урбанистики Г. Зиммель³: несоразмерность города его обитателям, нервозность жизни, возможность сосуществования на ограниченной площади значительного числа «атомизированных» жителей, тогда как социальная структура средневековых городов юга Средней Азии предполагает более плотное взаимодействие между жителями города в рамках махалли⁴.

Цивилизационная особенность Киргизии заключается в ее расположении и одновременной принадлежности к двум выделенным субрегионам: северная часть страны, включающая в себя столицу Бишкек, Чуйскую, Таласскую, Нарынскую и Иссык-Кульскую области, относится к северному субрегиону и характеризуется в настоящий момент более высоким уровнем развития промышленного производства, сравнительно высоким уровнем развития третичного сектора экономики, широким распространением русского языка (до сих пор именно русские являются основным меньшинством севера страны). Южная часть страны включает в себя город Ош, Ошскую, Джалал-Абадскую и Баткенскую области, здесь преобладает аграрное хозяйство, широта использования русского языка гораздо ниже (причем разницу можно характеризовать как качественную, так

¹ Wallerstein 2001.

² Wittfogel 1981.

³ Simmel 2012.

⁴ Абашин 2015; 2011.

как на юге Киргизии отсутствует, в отличие от севера и особенно Бишкека, русская языковая среда)¹, а главным меньшинством являются узбеки; до сих пор многие районы Оша, Джалал-Абада, Узгена и других городов организованы по принципам махалли, а уровень религиозности населения на юге значительно выше, чем на севере. Этот фактор, наряду с уровнем развития, сельским характером населения, незавершенностью процессов демографических переходов в большей степени на юге, чем на севере, порождает и повышенную фертильность в южных регионах².

Различия между севером и югом страны нельзя сводить исключительно к перечислению формальных характеристик: до 1964 г. южная и северная части страны не были соединены дорогой, то есть даже логистически они не составляли единого целого; до включения в состав Российской Империи южные и северные киргизы не жили в одном государстве (южные племена входили в состав Кокандского ханства, а их элиты были плотно вовлечены в политическую жизнь ханства, тогда как северные существовали, периодически признавая вассалитет перед Кокандским ханством, в условиях безгосударственного племенного общества³), а на бытовом уровне до настоящего времени существуют значительные сложности в понимании северянами южных диалектов (но за счет активной репликации северного варианта киргизского языка через школу и СМИ – не наоборот), представители юга и севера страны нередко проявляют неприязнь друг к другу по региональному признаку, что привело к введению в Уголовный кодекс страны статей, карающих за разжигание розни, в том числе межрегиональной.

По численности населения южная и северная части Киргизии сопоставимы: на момент распада СССР в южной части страны проживало почти 47% ее населения, тогда как на севере – 53%, при этом за последующие двадцать лет, к 2009 г., доля населения юга выросла до 50,2%, а северной – упала ниже половины. При этом необходимо учитывать, что массово мигрирующие южане составляют значительную долю прироста на севере, что в перспективе ближайшего десятилетия окончательно утвердит устойчивый перевес в пользу юга. Переезжающие выходцы из южных областей зачастую сохраняют как ценностную картину и уровень религиозности, характерные для жителя юга, так и электоральную приверженность южным кандидатам.

Разделение на северную и южную части страны является основным (но не единственным) фактором значительной части политических процессов, включая основные электоральные процессы, а практически полный паритет в численности населения, сохраняющийся три последних десятилетия, и определял во многом необходимость поиска баланса между элитами юга и севера страны. Вероятно, в условиях серьезного перевеса одной из частей страны ее политический ландшафт был бы принципиально иным.

Истоки своеобразного демократического дизайна Киргизии следует искать не только в географических и демографических условиях, но и в деятельности архитекторов ее политической системы: «Легендарного парламента» – 12-го со-

¹ Задорин, Подобед 2020.

Вишневский 1976.

³ Абрамзон 1990.

зыва Верховного Совета Киргизской ССР, осуществлявшего свои функции с 1990 по 1995 г., и первого президента А. Акаева. Невозможно не отметить влияние на идейную составляющую деятельности парламента и президента в этот период демократических идей Съездов народных депутатов СССР. Достаточно сказать, что сам президент А. Акаев идентифицировал себя как сподвижника академика А.Д. Сахарова. При этом то, что зачастую произносилось в Москве на Съездах народных депутатов неискренне, в контексте борьбы за власть, в Киргизии целиком и полностью принималось как непреложная истина и закладывалось в качестве принципов создаваемого государства. Государство изначально по своему институциональному дизайну планировалось демократическим и компактным, причем для его функционирования в таком состоянии не требовалось даже буквы закона – значительный объем законодательства, регулирующего, например, функционирование партий, появился лишь на излете 1990-х гг. 1

Спектр возможных сценариев развития к моменту получения независимости был для Киргизии, вероятно, максимально широким среди всех стран Средней Азии, и приход к власти одного из самых образованных президентов постсоветского пространства, получившего высшее образование в одном из лучших учебных заведений РСФСР в сфере точных наук – в ЛИТМО – и позднее получившего ученую степень доктора физико-математических наук в МИФИ в 1980 г., в значительной мере определил дальнейшее развитие Киргизии по демократическому пути. Уже после избрания президентом в 1990 г. А. Акаев оказался безальтернативным главой государства с четким видением развития страны, тогда как его оппоненты либо обладали меньшей поддержкой, либо, как в случае А. Масалиева или Б. Осмонова, поддержка концентрировалась лишь в ограниченной части населения страны. Это позволило ему в течение 1990-х гг. создать институциональный каркас задуманной им демократической системы, которая легла на почву специфических социальных условий аграрной страны (предпоследней советской республики по доле городского населения), что создало особые правила электорального поведения, политической борьбы и укрепило ряд политических размежеваний.

Политико-электоральные размежевания в Киргизии

В независимой Киргизии сформировались крайне специфические (впрочем, достаточно характерные для «незападного политического процесса», описанного в одноименной работе Л. Пая²) паттерны поведения избирателей и внутриэлитные размежевания, без которых сложно понять специфику работы иностранных акторов в Киргизии. Основным размежеванием, существующим с 1990-х гг. по настоящее время, которое переживает процесс крайне медленного выравнивания, является уже в значительной мере описанное выше размежевание между севером и югом. Крайне показательны для его иллюстрации и связанного электорального поведения стали выборы президента республики в 1995 г., когда в результате главными противниками стали действующий на тот момент прези-

¹ Базарбаев, Жумагулов 2012.

² Pye 1958.

дент – северянин А. Акаев, набравший чуть менее 72% голосов, и бывший председатель Верховного Совета Киргизской ССР А. Масалиев, набравший чуть более 24% голосов. Несмотря на то что оба кандидата по пять лет в различные периоды возглавляли страну и теоретически избиратель обладал полнотой информации для совершения осознанного выбора, что должно было повлечь достаточно равномерное распределение голосов за каждого кандидата по регионам страны, реальные итоги показали, что региональный фактор оказывает очень мощное влияние на электоральное поведение граждан страны. Если на севере А. Акаев набрал по разным областям от 84 до 97% голосов, то на юге – от 50 до 61%. Разница средних значений южных и северных регионов, рассчитанная по формуле среднего эффекта воздействия (Average Treatment Effect), показывает, что не менее 33% голосов достались А. Акаеву именно из-за региональной принадлежности на севере. Разделение на север и юг до сих пор сильно влияет как на результаты президентских выборов, где видна неравномерность распределения голосов за тех или иных кандидатов в зависимости от их происхождения, так и на парламентских, где в 1990-2000-е гг. все основные партии можно было охарактеризовать как «южные» или как «северные». Лишь в начале 2010-х гг. стала заметна тенденция к появлению «синтетических» альянсов южных и северных партий (вероятно, самыми яркими примерами здесь будут альянс северной «Республики» и преимущественно южной «Ата-Журт», появившийся перед выборами 2015 г., и ряд партий последнего электорального цикла 2020), а также появление кандидатов, которые воспринимались как «свои» и на юге, и на севере – к таким можно отнести А. Атамбаева, который, будучи выходцем с севера, принадлежит к южному крылу ичкилик, и действующего президента С. Жапарова, который в своей риторике апеллирует к общенациональной идее.

Упомянутое выше племенное деление является не просто очередным этнологическим фактом - родоплеменное деление в преимущественно аграрной Киргизии, проходящей путь серьезной социальной деградации и - в относительных цифрах – деурбанизации, приблизительно с середины 2000-х гг. стало еще одним объектом социальной реальности. На протяжении советского периода племенные структуры продолжали свое существование, значительная часть внутрипартийной и номенклатурной борьбы в это время велась между кланами, сложенными по племенному принципу¹, однако в 1990-е и начале 2000-х гг. активность внутриплеменных процессов можно охарактеризовать как не очень высокую, так как целые сегменты населения крупных городов выпали из данной системы. После «тюльпановой революции» 2005 г. на фоне неспособности государства исполнять свои основные функции и разгула криминалитета внутриплеменные процессы активизировались: все племена (собственно, самоназвание киргизов содержит отсылку к сорока племенам, составляющим киргизский народ) провели курултаи, налаживая горизонтальные связи². Подобная реархаизация, произошедшая в 2000-е гг., затронула не самые широкие слои населения, однако в значительной степени - элитные группы, многие представители кото-

¹ Ситнянский 2007.

² *Capues, M.* Киргизия: род или племя? // Эксперт Online. [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2010/14/sariev/ (дата обращения: 20.07.2021).

рых получили в руки новый инструмент осмысления социальной реальности через исконно киргизское родоплеменное восприятие. Сама племенная система состоит из крыльев (канат), племен и родов, которые достаточно строго иерархизированы относительно друг друга. При этом система племен не всегда соответствует региональному разрезу: некоторые племена проживают и на юге, и на севере (яркий пример – племя саруу), что ситуативно может порождать дополнительные конфликты лояльностей тех или иных избирателей.

Третьим уровнем размежевания является система патронажных групп, или кланов, представляющая собой систему спайки элитных групп, связанных родовыми или дружескими связями, которые включают в себя политические группы, бизнес-группы и (нередко) криминальные структуры, и крупных групп сельского электората, голосующих за земляка в обмен на прямой подкуп избирателей и обещания реализации тех или иных инфраструктурных проектов в данном «доменном» районе¹.

Без понимания такой структуры размежеваний невозможно понять характер политических процессов в Киргизии. Необходимо отметить, что киргизские политические элиты в целом ряде плоскостей разделены на достаточно мелкие группировки, созданные на основе родственных и дружеских (которые имеют тенденцию трансформироваться в родственные) связей, при этом число таких групп для Киргизии в условиях уровня развития ее экономики и количества доступных для распределения ренты активов, а также исчезновения фактора постоянной поддержки со стороны союзного бюджета после распада СССР, наполнявшегося преимущественно славянскими республиками, является чрезмерным для страны. Такая ситуация, актуальная и для 1990-х гг., требовала либо организации гибкой системы перераспределения, которая и была реализована в Киргизии, либо жесткого подавления конкурирующих кланов (данный сценарий с теми или иными вариациями был реализован в остальных странах региона² и, вероятно, реализуется в Киргизии сейчас). Таким образом, с одной стороны, демократическая система, созданная в Киргизии и внешне воспроизводящая основные процедуры западных демократических систем, имела несколько иное содержание и была призвана скорее не легитимизировать работу государственных институтов, а дать удобный для всех кланов инструмент регулярной мобилизации зависящих от клана групп населения с целью оценки потенциальной мощи кланов; с другой стороны, такое приспосабливание институционального дизайна государства под клановую систему создало идеальную среду для репликации и развития клановой системы, а также коррумпирования кланов со стороны иностранных государств и превращения этих кланов в их клиентеллы.

В этом контексте можно утверждать, что суть международных отношений Киргизии сводится к «агентированию» бизнес-интересов отдельных клановых структур. При этом важно понимать, что экономика Киргизии крайне зависима от финансовых потоков международных организаций и отдельных стран, а так-

¹ *Корсак, В.* «Ичкилик», «сарыбагыш»... Родовая подоплека системы власти в Кыргызстане // Ритм Евразии. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2018-11-01--ichkilik-sarybagysh-rodovajapodopleka-sistemy-vlasti-v-kyrgyzstane-39340 (дата обращения: 20.07.2021).

² Богатуров 2011.

же от денежных переводов трудовых мигрантов, в первую очередь уезжающих в Россию, что предопределяет основные направления международной политики Киргизии.

Встраивание Киргизии в систему международных отношений в 1990-е гг.

Уже с начала 1990-х гг. Киргизия в вопросах международных отношений заняла позицию максимальной открытости: с одной стороны, она охотно входила в основные договоры постсоветских республик с участием России, такие как СНГ или ОДКБ, присвоила русскому языку на уровне конституции статус официального (статус такого уровня или выше русский язык получил лишь в России. Белоруссии и Казахстане); с другой стороны, достаточно активно участвовала в договорах с государствами, ранее не присутствовавшими в регионе: 19 мая 1993 г. Киргизия и США заключили договор, который в обмен на экономическую помощь со стороны США освобождал от пошлин ввоз предметов со стороны проправительственных организаций США, а сотрудники таких организаций получали в стране статус, приравненный к статусу дипломатических работников. Киргизия подписала Договор о вечной дружбе и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Турецкой Республикой от 24 октября 1997 г., а также активно участвовала в различных организациях международного сотрудничества под эгидой Турции: в Тюркском совете, ТюркСОЙ, ТюркПА и иных организациях¹. Подобная открытость, обусловленная, помимо идеологических позиций, крайне тяжелым социально-экономическим положением страны, привела к широчайшему развитию зарубежных организаций², занимающихся гуманитарной деятельностью, однако нередко исполнявших и иные, в том числе разведывательные функции.

В сфере образования за первые годы существования государства широко утвердилось присутствие турецких лицеев в столице. Помимо государственных вузов возникли турецкие университеты «Манас» и «Ататюрк – Ала-Тоо», а также Американский университет в Центральной Азии, Кыргызско-Российский славянский университет и иные учебные заведения, связанные с иностранными государствами. Широкое распространение в стране получили дочерние организации различных иностранных фондов, которые занимались самой разнообразной гуманитарной деятельностью. В сфере религиозного образования сильную позицию заняли фонды, аффилированные с государствами Персидского залива, Пакистаном, Египтом и др. Период 1990-х гг. в целом для страны характеризовался, помимо роста криминала, проседания большинства секторов экономики и амортизации основных фондов главных предприятий, невероятной открытостью, приходом в страну самых разнообразных сил, чья деятельность развивалась не всегда в позитивном для Киргизии русле.

Подобная открытость привела в страну в том числе и иностранных инвесторов, которые, в отличие от несколько наивных ожиданий киргизских элит, пришли лишь в ограниченное количество секторов экономики и в ограничен-

¹ Богатырев 2012.

² Казанцев 2009.

ное количество регионов. Так, особый интерес иностранные компании проявляли к горнорудной промышленности, что вылилось в крупнейшую сделку, которая была заключена в 1992 г. между правительством Киргизии и канадской компанией *Cameco* по разработке открытого в 1978 г. крупного золотого месторождения Кумтор. В качестве оператора месторождения в Канаде была создана корпорация *Centerra Gold*, 26% акций которой по соглашению были переданы Киргизии, ставшей крупнейшим акционером предприятия. По состоянию на 2019 г. доля Кумтора в ВВП Киргизии составила 9,8%. Помимо Кумтора иностранные компании в более поздние годы вошли в разработку иных месторождений.

1990-е гг., несмотря на социально-экономическую нестабильность, можно характеризовать как эпоху определенного консенсуса в киргизском обществе. С одной стороны, А. Акаев пользовался как среди элит, так и среди широких слоев населения высоким личным авторитетом, а с другой стороны, он эффективно балансировал между различными кланами, устраивая тем самым все стороны. Однако на рубеже 1990-2000-х гг. наметилась трансформация режима в Киргизии. Данный процесс был связан с двумя комплексами причин: с общим ухудшением обстановки в регионе - в 1999 г. на юг страны вторглись с территории Таджикистана формирования Исламского движения Узбекистана, стремившиеся попасть на территорию узбекской части Ферганской долины через территорию Киргизии (так называемые Баткенские события), а в 2001 г. началось вторжение в Афганистан международных сил - и с разрушением консенсуса в киргизском обществе по вопросу доверия к А. Акаеву после подписания в 1999 г. второго договора о делимитации границ с Китаем (первый договор был подписан в 1996 г. и не вызвал подобного резонанса). Именно с этого момента против А. Акаева начинает складываться оппозиционный блок, который окончательно формируется после Аксыйских событий в 2002 г.: тогда в январе был задержан один из главных противников подписания договора с Китаем А. Бекназаров, а в марте того же года во время судебного процесса над ним сторонники Бекназарова в знак протеста перекрыли трассу Бишкек – Ош в родной для Бекназарова Джалал-Абадской области¹. Сотрудники милиции по приказу президента открыли по митингующим огонь на поражение, что привело к эскалации конфликта, который удалось погасить властям с большим трудом.

Во внутренней политике начиная с 2000 г. действия окружения А. Акаева (и в меньшей степени – его самого) претерпевают заметные изменения. С одной стороны, члены семьи и окружение президента создают довольно активную концентрацию важных активов в своих руках, что нередко происходит через корпоративные конфликты с участием миноритарных акционеров, шантаж или прямой рейдерский захват; с другой стороны – ряд противников А. Акаева начинает подвергаться преследованиям, самые громкие случаи: дело против упомянутого выше А. Бекназарова и фабрикация по политическим мотивам дела против крайне популярного северного политика – генерала Ф. Кулова.

Трансформационно-революционный период в Киргизии (2000–2011)

Изменение ситуации в регионе в целом не только бросало Киргизии вызовы в виде Баткенских событий или увеличения объемов ввоза опиатов с территорий Афганистана¹, выросших после начала операции коалиционных сил, но и делало Киргизию необходимой для логистического обеспечения операции в Афганистане. В декабре 2001 г. на территории Киргизии была организована авиабаза «Манас», ставшая ключевым логистическим хабом для операции «Несокрушимая сила».

Размещение базы международной коалиции не означало перехода Киргизии в сферу влияния США и НАТО, в первую очередь руководство Киргизии приняло решение о допуске на территорию страны данной авиабазы из соображений региональной безопасности (безусловно, это решение принималось в контексте Баткенских событий). Возрастание террористической угрозы и приход в регион сил НАТО беспокоили руководство России, и в 2003 г. между Российской Федерацией и Киргизией было подписано соглашение о размещении российской авиабазы «Кант». Таким образом, в период с 2003 по 2014 г. на территории Киргизии сосуществовали российская база и база стран НАТО.

Определенная независимость Киргизии, не декларативно, а вполне реально стоявшей на позициях открытости, по не самым ясным причинам не устраивала руководство США, которое, если доверять словам жены А. Акаева М. Акаевой, в конце 2004 г. одобрило предложение посла США в Киргизии С. Янга о свержении А. Акаева². Вне зависимости от реальности данного решения, перед выборами 2005 г. А. Акаев столкнулся с беспрецедентным давлением: в газете «МСН», выступавшей главным рупором противников А. Акаева, был напечатан так называемый «Танаевский протокол» – стенограмма заседания в кабинете премьер-министра Н. Танаева, на котором были даны указания по физическому устранению ряда оппозиционеров³. Сам характер стенограммы, а также отсутствие позднейшего расследования заставляют усомниться в подлинности текста. Одновременно с этим посол США С. Янг открыто объезжал регионы страны, проводя встречи не только с лидерами оппозиции, но и с акимами областей4, а в столице произошло покушение на Р. Отунбаеву, характер которого, а также отсутствие результатов позднейшего расследования по данному делу заставляют сомневаться в том, что покушение не было инсценировано⁵.

В период «тюльпановой революции» по столице прокатилась волна мародерств, за пределами Бишкека рейдерские группы захватывали различные объекты, в том числе зарубежных компаний, а самоорганизованные группы граждан – земельные участки таких же простых жителей. Слабая укорененность самого понятия «частная собственность» в киргизском обществе, а также неспо-

¹ Князев 2003.

² Ужин с донесением // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/11/07/akaev.html (дата обращения: 20.07.2021).

³ Власть готовится к войне // МСН. 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://kyrgyzby.narod.ru/archive/2005/newyear.htm (дата обращения: 20.07.2021).

⁴ США готовятся к выборам в Киргизстане? // Дело № 2005. № 1. С. 3.

⁵ Взрыв на балконе // Дело № 2005. № 9. С. 5.

собность государства защитить ее (судебное разбирательство по акциям газеты «Вечерний Бишкек», которая была захвачена сыном А. Акаева в 2000 г., было завершено в 2019 г. после пяти лет тяжб, а дело отеля «Ак-Кеме» («Пинара») было решено в 2017 г. через 20 лет после начала корпоративного конфликта) привели к полному падению привлекательности Киргизии для тех инвесторов, которые не имели крепких связей с государственными структурами. В то же время в самом киргизском обществе ответом на нестабильность стала настоящая архаизация и усиление роли института племен.

Ослабленный открытой пропагандой А. Акаев в условиях начавшихся в стране волнений принял решение не применять силу, а покинуть свой пост и территорию страны, переехав с семьей в Москву. Пришедший к власти южанин К. Бакиев очень быстро встал на путь построения режима, который был в разы жестче режима последних лет президентства А. Акаева. Помимо борьбы с политическими оппонентами самыми жесткими способами (убийство в Казахстане бывшего главного редактора «Комсомольской правды» в Киргизии Г. Павлюка, убийство с последующей инсценировкой ДТП бывшего члена Совета безопасности М. Садыркулова и бывшего главы главного киргизского аналитического центра МИСИ С. Слепченко, покушение на журналиста С. Абдылдаева и другие случаи) семья К. Бакиева активно концентрировала в своих руках собственность, занимаясь приватизацией государственных компаний и рейдерским захватом имущества, в том числе иностранного (так, российских владельцев заставили продать М. Бакиеву, сыну К. Бакиева, крупнейшего сотового оператора республики MegaCom), а в 2009 г. задумала крайне амбициозный проект создания ЦАРИИ (Центрального агентства по развитию, инвестициям и инновациям) – единого оператора всех неадресных инвестиций. Главой ЦАРИИ стал М. Бакиев, что крайне обеспокоило западные страны. Совершенно очевидно, что в такой ситуации ни о каком учете интересов иных кланов речь не шла.

Первые годы президентства К. Бакиева пришлись на период роста мировой экономики и цен на различные ресурсы, в частности на золото, период активной глобализации, и режим попытался максимально активно участвовать в мировой политике. С одной стороны, за достаточно короткий срок в стране произошла череда шпионских скандалов: в 2007 г. Ж. Арыкова была обвинена в государственной измене (это было первое в истории страны правоприменение данной статьи) за передачу сведений гражданину Китая, а в 2008 г. четверо офицеров ГКНБ и министерства обороны Киргизии были осуждены на различные сроки за шпионаж в пользу России, что осложнило отношения Бишкека с Москвой и Пекином; с другой стороны, в этот же период К. Бакиев и его окружение активно начали вступать в контакты с политическими элитами США и ЕС.

Угроза физического выживания недопущенных до распределения ренты членов иных кланов сплотила клановые, племенные и региональные элиты, при этом политический протест накладывался на крайне тяжелые социально-экономические условия, которые сложились после мирового кризиса 2008 г., и сопровождался вмешательством западных структур. 17 марта 2010 г. в Бишкеке прошел оппозиционный курултай (отметим, что именно после революции 2005 г. и последовавшей архаизации это слово вошло в широкий оборот в стране), требовавший снижения цен на услуги ЖКХ, а 23 марта прошел пробакиевский

Курултай Согласия, на котором было озвучено предложение перейти к ханской форме правления с закреплением данной формы в Конституции. Раскол общества и угроза физической расправы для любых несогласных привели к тому, что 6 апреля, когда в Таласе был задержан Б. Шерниязов, его сторонники осадили здание РОВД и готовились к штурму, что вынудило милиционеров отпустить политика¹, а на следующий день в Бишкеке вооруженные сторонники оппозиционных партий в Бишкеке взяли штурмом здание Жогорку Кенеша². Уже к вечеру было сформировано Временное правительство во главе с Р. Отунбаевой, К. Бакиев бежал на юг страны в родовое село, а позже, не имея поддержки от лидеров южных кланов, покинул страну, получив убежище в Минске.

Свержение лидера-южанина вызвало массовое недовольство на юге, несмотря на отказ поддержки К. Бакиева. Уже в конце апреля в Оше распространялись листовки с требованием федерализации³, а в июне вспыхнул полноценный межэтнический конфликт между киргизами юга и узбеками, в процессе которого в штурме узбекских махаллей в Оше и Джалал-Абаде использовалась бронетехника, захваченная киргизами у военных, 400 тысяч человек оказались перемещены, в том числе 111 тысяч покинули страну⁴.

Перемещение такого количества преимущественно этнических узбеков накалило отношения с Узбекистаном и затронуло проблемы, значительная часть из которых была заложена в период национально-территориального размежевания в СССР5. Газ в южную часть Киргизии поставлялся через территорию Узбекистана, что немедленно послужило рычагом в отношениях двух стран со стороны Узбекистана; в свою очередь, в руках Киргизии находилось снабжение водой главной водной артерии Узбекистана - реки Сырдарья. Основная часть стока Сырдарьи формируется в горах Киргизии, а главный сток из реки Нарын плотно регулируется каскадом Нарынских ГЭС6. Еще одним вопросом, постоянно поднимавшимся в период обострения отношений Киргизии и Узбекистана, был вопрос делимитации 15% границы. Проблема делимитации состояла в первую очередь в том, что ряд анклавов Узбекистана окружен территорией Киргизии (Сох, Шахимардан, Чох-Кара, Таш-Тепа), а киргизский анклав Барак находится внутри территории Узбекистана⁷. Помимо вопроса об анклавах актуализировался вопрос государственного имущества на приграничных территориях, которое нередко находилось не на территории государства, ведущего операционную деятельность того или иного инфраструктурного объекта. Градус конфликта постоянно повышался и достигал локальных пиков в конце 2013 – начале 2014 г., когда для смягчения напряженности российский «Газпром» выкупил всю газовую инфраструктуру Киргизии, и осенью 2015 - весной 2016 г., когда Киргизия национализировала Орто-Токойское водохранилище в Джалал-Абадской области, в борьбе

¹ Что произошло в Таласе? // Дело № 2010. № 13. С. 3.

² Осажденный Бишкек // Суббота-МСН. 2010. № 14. С. 3.

³ Дело № 2010. № 17. С. 7.

⁴ Отчет международной Независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года // Kyrgyzstan Inquiry Commission / Архив Интернета. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20190226214123/ https://www.fergananews.com/archive/2011/kic_report_russian_final.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

⁵ Martin 2001.

⁶ Касымова 2014.

⁷ Аламанов 2018.

за которое Узбекистан готовился применить вооруженные силы. Процесс восстановления нормальных отношений начался лишь после прихода к власти в Узбекистане Ш. Мирзиёева и его встречи в Бишкеке с А. Атамбаевым осенью 2017 г.

Период стабилизации в Киргизии (2010-2020)

После свержения режима К. Бакиева и конца переходного периода, во время которого страна перешла от президентской к премьер-президентской форме правления², к власти пришел северянин из южного крыла *ичкилик* А. Атамбаев.

Киргизия, в силу достаточно специфического склада характера А. Атамбаева и международной конъюнктуры, начала довольно активные, хотя и непоследовательные, действия во внешней политике. С одной стороны, при нем Киргизия стала четко позиционировать себя как союзник России и вступила в ЕАЭС, в 2014 г. с территории страны была выведена авиабаза «Манас», а в 2015 г. был денонсирован договор 1993 г., предоставлявший сотрудникам американских НКО статус, приравненный к статусу дипломатических работников; с другой же стороны, именно по инициативе президента были сорваны переговоры Киргизии и России по завершению создания системы Камбаратинских ГЭС.

Результатом денонсации договора с США 1993 г. стали достаточно серьезные изменения в работе сети НКО в республике. Необходимо отметить, что за 1990-е и 2000-е гг. благодаря действию соглашения 1993 г. в стране широко распространились некоммерческие организации, основные направления деятельности которых были заложены еще в 1990-е гг. Если говорить о западных НКО, то спектр их деятельности включает: 1) сбор информации о социально-экономической динамике в стране; 2) работа в сфере образования, формирования общественного мнения и взаимодействия с институтами гражданского общества; 3) осуществление «поддержки эффективного государственного управления» (Good Governance & Public Administration Strengthening). Денонсация договора привела к тому, что около 10 проектов, находившихся к 2015 г. на балансе американской правительственной организации USAID, были переданы на баланс британской DFID (Британское министерство по развитию). На данный момент именно структуры, контролируемые МИД Соединенного Королевства, являются основными операторами западных НКО³.

Сворачивание западной сети привело к сокращению финансовой поддержки со стороны западных стран и фондов, и именно вопрос поиска источников финансирования стал для Киргизии наиболее острым, что привело к росту задолженности страны.

В период президентства А. Атамбаева активизировался конфликт с Таджи-кистаном, имевший в своей природе ту же причину, что и конфликт с Узбекистаном – проблемы, заложенные в период национально-территориального размежевания в СССР, а именно неопределенность линии границы и наличие

¹ Медушевский 2018.

² Shugart, Carey 1992.

³ Корсак, В. Британские неправительственные структуры активничают в Кыргызстане // Ритм Евразии. [Электронный реcypc]. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2019-02-09--britanskie-nepravitelstvennye-struktury-aktivnichajut-v-kyrgyzstane-40984 (дата обращения: 20.07.2021).

анклавов, через которые пролегает часть дорог, связывающих Баткен, столицу Баткенской области, с остальной страной. В целом ситуация с 2015 г. остается очень напряженной, регулярно на границе под обстрел попадают граждане и военнослужащие обеих стран. В конце апреля 2021 г. на границе произошел крупнейший конфликт между странами: пять застав на киргизской стороне попали под обстрел таджикских подразделений, в результате нескольких дней боев с двух сторон погибло более полусотни человек, более 300 были ранены¹. Несмотря на декларации обеих сторон о желании решить конфликт и делимитировать границу, ситуация остается напряженной.

Отношения с Казахстаном на протяжении большей части периода существования в качестве независимых государств были вполне добрососедскими, однако именно на 2010-е гг. пришлось их обострение, связанное с тем, что перед президентскими выборами 2017 г. Н. Назарбаев открыто поддержал проживавшего ранее в Казахстане О. Бабанова – оппонента ставленника А. Атамбаева южанина С. Жээнбекова. Ответ А. Атамбаева породил личный конфликт президентов, который на межстрановом уровне был решен лишь после отставки А. Атамбаева.

При А. Атамбаеве отношения с КНР перешли в новую плоскость, что выразилось в попытке А. Атамбаева включить Киргизию в логистические структуры программы «Один пояс – один путь». Взятые преимущественно при А. Атамбаеве кредиты под целевое строительство и модернизацию дорог (6 из 9 кредитов) и ряда объектов инфраструктуры легли тягостным бременем на бюджет страны: на конец 2020 г. задолженность Киргизии перед Китаем превышала ее годовой бюджет. Сами проекты изначально были для республики чрезмерно дорогостоящими, при этом в 2020 г. Китай отказался идти на какие-либо уступки по реструктуризации долга, несмотря на то, что члены Парижского клуба списали значительную часть своего долга. На ближайшие годы проблемы, вызванные непомерной долговой нагрузкой, будут во многом определять внутриполитическую повестку в стране.

Формирование антикитайских настроений произошло еще в конце 1990-х гг. и было связано с подписанием договора о делимитации границы, который стимулировал антиакаевскую оппозицию; эти настроения подкреплялись и в связи с политикой КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, особенно среди религиозной части общества. После подписания договоров о кредитах можно говорить об усилении таких настроений: все договоры предполагали оплату данными кредитами исключительно китайских товаров и услуг, что привело к прибытию в страну значительного числа китайских рабочих на модернизируемые инфраструктурные объекты. Ответом на их появление стало возникновение сначала стихийных, а позже управляемых отдельными политическими силами вигилантистских организаций², в первую очередь организации «Кырк Чоро», которая проводила рейды по предприятиям, на которых работали именно выходцы из КНР, а ее сторонники врывались в развлекательные заведения, где отдыхали китайские граждане.

¹ Умаров, Т. Конфликт без посредников. Кто выиграл от войны на границе Киргизии и Таджикистана // Московский центр Карнеги. [Электронный ресурс]. URL: https://carnegie.ru/commentary/84454 (дата обращения: 20.07.2021).

² Abrahams 1998.

Принятая на референдуме 2010 г. конституция сильно ослабляла власть президента, собственно, ее целью и было не позволить одному клану сконцентрировать в руках всю полноту власти, как это было при К. Бакиеве, а потому для президентов основной целью политики последних лет стали попытки консолидировать власть. Этот тренд стал очевиден примерно с 2015 г., когда атамбаевская партия СДПК получила в Жогорку Кенеше большинство. За последующие годы в тюрьме оказались около 20 оппонентов А. Атамбаева (в их числе и нынешний президент С. Жапаров).

В 2017 г. в Киргизии произошел транзит власти, результатом которого стало избрание президента С. Жээнбекова, при этом А. Атамбаев планировал сохранить в своих руках всю полноту власти, с этой целью он в 2016 г. провел конституционную реформу, усилившую полномочия Жогорку Кенеша и премьер-министра, должность которого он и занял. Однако уже весной 2018 г. в тандеме произошел раскол, который стал очевиден через год, когда весной 2019 г. С. Жээнбековым был подписан указ об изменении подсудности лиц, которые обладают статусом экс-президента, а позже правоохранительные органы начали расследование уголовного дела против А. Атамбаева о коррупции при принятии решения об освобождении чеченского вора в законе А. Батукаева. Летом 2019 г. спецназ ГКНБ попытался взять штурмом резиденцию А. Атамбаева в селе Кой-Таш, однако штурм закончился пленением шести спецназовцев и гибелью заместителя командира «Альфы», лишь на следующий день А. Атамбаев сдался.

В период правления С. Жээнбекова Киргизии не удалось решить основные задачи, связанные с улучшением социально-экономического положения в стране, а политический авторитет власти оказался крайне низок. С. Жээнбеков пытался консолидировать власть посредством концентрации ключевых постов в разных сферах в руках своих родственников: начиная от должностей в силовых структурах, Жогорку Кенеше и заканчивая Духовным управлением мусульман Кыргызстана (ДУМК). Однако к реальному укреплению власти это не привело: попытки ответить на общественный запрос на социальную справедливость такими инициативами, как цифровизация, провалились, а на скандал вокруг отмывания нетрудовых доходов клана Матраимовых после публикации документов А. Саймаити власть адекватно отреагировать не смогла¹.

Современный этап (2020 – настоящее время)

Действия правительства С. Жээнбекова в 2020 г. сложно назвать успешными: в период распространения в стране коронавирусной инфекции со стороны государства не была оказана необходимая помощь наиболее уязвимым группам населения, власти во многом самоустранились от решения насущных проблем, и именно в неудачных действиях правительства в этот период многие видят причину его свержения. Хотя сама по себе сложная социально-экономическая ситуация в целом является для Киргизии нормой, однако именно в октябре совпали условия для всплеска возмущения. Первое условие – это попытка С. Жээнбекова перейти к

¹ История Айеркена Саймаити, отмывшего 700 млн долларов через Кыргызстан // Настоящее время. [Электронный ресурс]. URL: https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan-money-laundering-investigation/30287045.html (дата обращения: 20.07.2021).

управляемой модели демократии, когда посредством формально демократических процедур принимается заранее проработанное решение, второе – массовое распространение смартфонов и Интернета в республике: если летом 2015 г. лишь 20% жителей получало информацию о политических процессах из Интернета, то в ноябре 2018 г. – 55%, а к моменту выборов этот показатель, вероятно, вырос еще сильнее. К декабрю 2018 г. лишь 27% населения не использовали Интернет¹. При этом широкое распространение смартфонов позволило заснять значительное число нарушений на выборах. Так, киргизский политик И. Карамушкина заявила на митинге: «Вы же сами всё видели своими глазами, сколько было подвозов, сколько было подкупов. Как после этого можно признать итоги этих выборов?»². Именно на выборах 2020 г. избиратели впервые массово увидели подтасовки, и именно в этом технологическом сдвиге кроется главная причина волнений в октябре 2020 г.

В результате волнений из СИЗО сторонниками были освобождены несколько политических деятелей, включая бывшего президента А. Атамбаева и осужденного в его президентство С. Жапарова, который в результате череды крайне неоднозначных событий смог стать сначала премьер-министром Киргизии, а потом и президентом. С. Жээнбеков подал в отставку.

Уже в ноябре появился проект новой конституции, который вызвал скандал: в метаданных документа автором значился Б. Зулпиев, которого ряд политиков обозначает как «юриста Бакиевых»³. Документ сильно сокращал полномочия Жогорку Кенеша и вводил новый орган с крайне неопределенными полномочиями – Народный Курултай, напоминавший об инициативах времен К. Бакиева, что вызвало слухи о связях С. Жапарова и клана Бакиевых. Дальнейшая кадровая политика лишь подтвердила подобные предположения.

В день проведения президентских выборов в январе 2021 г., на которых президентом был избран С. Жапаров, также был проведен референдум, где форма правления была определена как президентская республика, а на референдуме в апреле был принят уже непосредственно текст новой конституции.

При С. Жапарове, приобретшем поддержку как народный политик среди широких слоев населения посредством прямого контакта в чатах в мессенджерах, которыми он пользовался в тюрьме, тренд на консолидацию власти принял форму борьбы с кланами. Значительное число оппонентов С. Жапарова попали в заключение по делам о коррупции, беспорядках 9 октября 2021 г., когда в центре Бишкека произошли столкновения сторонников С. Жапарова и сторонников А. Атамбаева и О. Бабанова, а также по делу о Кумторе. На данный момент в СИЗО находятся О. Бабанов, вновь задержанный А. Атамбаев, И. Пирманов, А. Сурактамов и ряд других крупных политиков, при этом, например, задержанный Р. Матраимов после уплаты 2 млрд сомов в казну оказался на свободе, как и еще целый ряд политиков и бизнесменов, которые после опроса или допроса в ГКНБ добровольно передали в казну внушительные средства.

^{1 &}quot;New Kyrgyzstan Poll: February 2019," IRI, May 19, 2020, accessed July 20, 2021, https://www.iri.org/sites/default/files/february_2019_kyrgyzstan_poll.pdf.

² Наблюдатели не увидели причин для массовых волнений после выборов в Киргизии // Взгляд. [Электронный ресурс]. URL: https://vz.ru/news/2020/10/5/1063656.html (дата обращения: 20.07.2021).

³ Новый проект Конституции написал юрист Бакиевых Бектур Зулпиев? // Kloop.kg, [Электронный ресурс]. URL: https://kloop.kg/blog/2020/11/18/novyj-proekt-konstitutsii-napisal-yurist-bakievyh-bektur-zulpiev/ (дата обращения: 20.07.2021).

Пока сложно оценить, насколько подобная политика окажется успешной в вопросах консолидации власти и улучшения макропоказателей киргизской экономики. Действия С. Жапарова, направленные на фактическую национализацию Кумтора, а также активность силовых структур по борьбе с конкурентами президента на данный момент привели лишь к значительному снижению прямых инвестиций и к росту оттока капитала¹. Однако пока С. Жапаров обладает достаточно широкой поддержкой, сохранение которой будет зависеть от того, удастся ли повысить уровень жизни в стране.

Заключение

На протяжении всей постсоветской истории Киргизия практически всегда находилась в крайне неустойчивом положении, и если в 2010-е гг. ее внешнеполитическая ориентация стала достаточно определенной, то о векторе ее внутриполитических процессов подобное сказать затруднительно. Несмотря на активные попытки нынешнего президента С. Жапарова консолидировать власть, в связи с крайне тяжелым социально-экономическим положением в стране, ростом радикального ислама и крайне тяжелой проблемой наркотрафика вместе со слабостью государства и демографической победой юга, явно превосходящего север по численности рождаемости, в любой момент можно ожидать дестабилизацию ситуации в стране.

По формальным признакам Россия за последние 10 лет на уровне государственных институтов укрепила свое положение в качестве главного союзника Киргизии, добившись вхождения страны в ЕАЭС и свертывания сети западных НКО, что отразилось и в социологических опросах – 94% респондентов характеризовали Россию как партнера, и лишь 2%² – как угрозу; но несмотря на такое позитивное восприятие со стороны граждан Киргизии, Россия максимально неэффективным образом конвертирует свои громадные инвестиции во влияние в общественной сфере, не занимаясь выстраиванием устойчивых пророссийских горизонтальных структур, работая лишь с представителями кланов, а не с гражданским обществом. Важно отметить, что на данный момент существует глубокий разрыв в понимании самой сути ЕАЭС со стороны российских элит и элит иных постсоветских государств, к которым относится и киргизская политическая элита: если из Москвы ЕАЭС видится как ступень, предваряющая политическую интеграцию, то многие представители органов государственной власти иных стран, входящих в ЕАЭС, открытым текстом заявляют, что их интересует лишь экономическая составляющая. Не очень понятно, на какой ценностной и идеологической платформе может проходить политическая интеграция: существующие в России идеологические комплексы актуальны в первую очередь для внутреннего потребления и слабо подходят для репликации, например, в среде киргизской молодежи, не прошедшей социализацию в рамках советской школы.

¹ В КР отток иностранных инвестиций превысил уровень притока на \$367 млн // Акчабар. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akchabar.kg/ru/news/v-kr-ottok-inostrannyh-investicij-prevysil-uroven-pritoka-367-mln/ (дата обращения: 20.07.2021).

^{2 &}quot;New Kyrgyzstan Poll: February 2019," IRI, May 19, 2020, accessed July 20, 2021, https://www.iri.org/sites/default/files/february_2019_kyrgyzstan_poll.pdf.

Внутрироссийский политический и ценностный дискурс практически невозможно противопоставить, к примеру, растущей религиозной радикализации страны и архаизации общественных отношений, которые грозят и самой России посредством роста радикальности мигрантов, прибывающих с территории Киргизии. Общий для ЕАЭС дискурсивно-идеологический контекст до сих пор не разработан и вряд ли будет предложен в обозримый период. Если западные структуры предлагают киргизскому обществу в качестве желаемого образа демократическую систему с соблюдением прав человека, Турция – построение успешного пантюркского государства с мощными элементами социального государства, то Россия в подобном разрезе может предложить лишь экономические преференции гражданам ЕАЭС.

Вместе с тем в ближайшие годы как в Киргизии, так и в регионе в целом, стоит ожидать роста влияния Китая и Турции: первый будет наращивать свое влияние, как показывает практика, через сформировавшиеся государственные долги Киргизии либо через совместное возведение или реконструкцию контроля над ключевыми инфраструктурными объектами, а вторая – через продвижение идей политического единства тюркского мира и исламизацию страны посредством своих развитых образовательных и гуманитарных структур. Турецкое образование в Киргизии крайне популярно, по утверждению М. Сариева, именно в турецких лицеях учится подавляющее большинство детей киргизских элит¹, и именно эти люди через несколько лет будут принимать основные решения в Киргизии. К сожалению, в российских государственных институтах отсутствует понимание растущей опасности со стороны Китая и, прежде всего, Турции. При том что активность региональной инфраструктуры западных государств в последние годы снизилась.

По причине шаткого состояния киргизской экономики, бедности населения и хрупкости политических институтов Киргизия является крайне слабым международным игроком, который вынужден балансировать между крупными акторами в регионе. Киргизия зависима от переводов трудовых мигрантов, транзитной торговли, кредитов и субсидий иных государств. Это и определяет основные цели ее внешней политики: поддержание благоприятного режима въезда в иные страны трудовых мигрантов; получение финансирования извне; обеспечение интенсификации транзитной торговли.

¹ Турецкую разведку обвинили в краже противника Эрдогана под боком у России // Взгляд. [Электронный ресурс]. URL: https://vz.ru/world/2021/6/9/1103229.html (Дата обращения: 20.07.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абашин, С.Н. Советская власть и узбекская махалля // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4 (78). – С. 95–110.

Abashin, S.N. "Sovetskaya vlast' i uzbekskaya makhallya." *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4 (78) (2011): 95–110 [In Russian].

Абашин, С.Н. Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 848 с.

Abashin, S.N. Sovetskii kishlak: Mezhdu kolonializmom i modernizatsiei. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2015 [In Russian].

Абрамзон, С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с

Abramzon, S.M. *Kirgizy i ikh ehtnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi.* Frunze: Kyrgyzstan, 1990 [In Russian].

Аламанов, С.К. Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы // Постсоветские исследования. – 2018. – № 5. – С. 451–459.

Alamanov, S.K. "Enclaves in Central Asia: Background and Actual Problems." *Post-Soviet Stusies*, no. 5 (2018): 451–459 [In Russian].

Базарбаев, К., Жумагулов, Б. Политические партии Кыргызстана: теория и практика. – Бишкек, 2012. – 140 с. Bazarbaev, K., and B. Zhumagulov. *Politicheskie partii* Kyrgyzstana: teoriya i praktika. Bishkek, 2012 [In Russian].

Богатырев, В. Политические аспекты кыргызскотурецких отношений // Роль и восприятие Турции в Кыргызстане. – Бишкек: Фонд им. Фридриха Эберта, 2012.

Bogatyrev, V. "Politicheskie aspekty kyrgyzskoturetskikh otnoshenii." In *The Role and Perception of Turkey in Kyrgyzstan*. Bishkek: Fond im. Fridriha Eberta, 2012 [In Russian].

Вишневский, А.Г. Демографическая революция. М.: Наука, 2005.

Vishnevskii, A.G. *Demograficheskaya revolyutsiya*. Moscow: Nauka, 2005 [In Russian].

Задорин, И.В., Подобед, И.В. Русский язык в Северной Евразии: политические и демографические факторы распространенности и использования // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2020. – № 3 (98). – С. 136–164. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-136-164.

Zadorin, I.V., and I.V. Podobed. "Russian Language in Northern Eurasia: Political and Demographic Factors of its Distribution and Usage." *Politeia*, no. 3 (98) (2020): 136–164 [In Russian].

Казанцев, А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 193 с.

Kazantsev, A.A. *Politika stran Zapada v Tsentral'noi Azii: proekty, dilemmy, protivorechiya.* Moscow: Moscow-University, 2009 [In Russian].

Касымова, В.М. Энергетическая политика, энергобезопасность и энергоэффективность Кыргызской Республики. – Бишкек: Барак Элде, 2014.

Kasymova, V.M. Ehnergeticheskaya politika, ehnergobezopasnosť i ehnergoehffektivnosť Kyrgyzskoi Respubliki. Bishkek: Barak Elde, 2014 [In Russian].

Князев, А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. – Бишкек: Илим, 2003.

Knyazev, A.A. K istorii i sovremennomu sostoyaniyu proizvodstva narkotikov v Afganistane i ikh rasprostraneniya v Tsentral'noi Azii. Bishkek: Ilim, 2003 [In Russian].

Медушевский, А.Н. Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // Общественные науки и современность. – 2018. – № 2. – С. 49–66.

Medushevskii, A.N. "Post-soviet political regimes: developing trends in the light of current amendments wave." *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2 (2018): 49–66 [In Russian].

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы // Под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 549 с.

Bogaturov, A.D., ed. *Mezhdunarodnye otnosheniya* v *Tsentral'noi Azii: sobytiya i dokumenty.* Moscow: Aspekt Press, 2011 [In Russian].

Ситиянский, Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2007. – № 198. – С. 3–21.

Sitnyansky, G.Y. "The Relations of the South and North of Kirghizia: a History and Present." *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi ehtnologii*, no. 198 (2007): 3–21 [In Russian].

Abrahams, R. *Vigilant Citizens: Vigilantism and the State*. Cambridge, UK: Polity Press, 1998.

Martin, T. An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

Pye, Lucian W. "The Non-Western Political Process." *The Journal of Politics* 20, no. 3 (1958): 468–486. https://doi.org/10.2307/2127224.

Shugart, M.S., and J.M. Carey. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. https://doi.org/10.1017/CBO9781139173988.

Simmel, G. "The Metropolis and Mental Life." In *The Urban Sociology Reader*, edited by Jan Lin, and Christopher Mele, 23–31. Routledge, 2012.

Wallerstein, I. *Unthinking Social Science: the Limits of Nineteenth-century Paradigms.* Temple University Press, 2001.

Wittfogel, Karl A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. Vintage, 1981.

Сведения об авторе

Илья Владимирович Подобед,

магистр Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Покровский бульвар, 11, Москва, 109028.

e-mail: iliapodobed@yahoo.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 21 апреля 2021. Переработана: 20 июля 2021. Принята к публикации: 2 августа 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Подобед, И.В. Эволюция и внутренняя логика международных отношений Киргизии периода независимости // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (2). – С. 182–202. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-182-202

Evolution and Internal Logic of Kyrgyzstan's International Relations during the Period of Independence

ABSTRACT

This article examines the position of Kyrgyzstan in the international system and its foreign policy in the context of the social fabric established after the collapse of the USSR, the dynamics of socio-economic development, as well as electoral processes and delimitation. The evolution of international relations in Kyrgyzstan is seen as a derivative of the socio-economic macro process that has been developing over the past three decades. In this article, the author attempts to combine the most common research optics that rarely intersect in one work: the study of the domestic political process and its role in setting foreign policy priorities. Due to the existence of an extensive clan system and the fragility of the central government, it is impossible to conduct internally consistent foreign policy. The foreign policy activity of Kyrgyzstan is aimed at maintaining a certain balance in relations with major actors in the region to create the most favourable conditions for labour migration, obtaining financial assistance and transit trade.

KEYWORDS

Kyrgyzstan, Central Asia, post-Soviet space, domestic policy of Kyrgyzstan, socio-economic conditions in Kyrgyzstan

Author

Ilya V. Podobed,

Master of HSE University, 11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation. **e-mail:** iliapodobed@yahoo.com

Additional information

Received: April 21, 2021. Revised: July 20, 2021. Accepted: August 2, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Podobed, Ilya V. "Evolution and Internal Logic of Kyrgyzstan's International Relations during the Period of Independence." *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 182–202. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-182-202